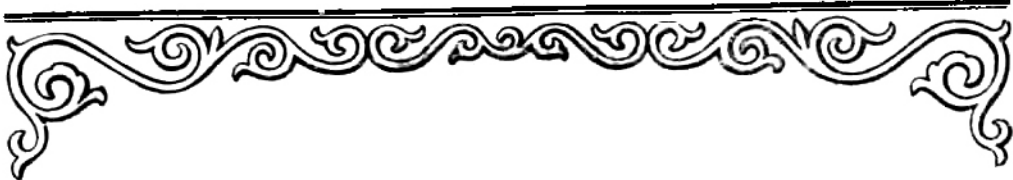

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

3

МАЙ - ИЮНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА · 1954

ИЗ ОПЫТА ШКОЛЫ

Н. И. БРАЖНИК,
учительница школы № 621, Москва

Изучение языка пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад»

Как стилист Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов.

М. ГОРЬКИЙ

Отмечая во вступительной беседе высокие художественные достоинства пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад», я обычно привожу слова выдающегося деятеля русского театра К. С. Станиславского: «Я считаю эту пьесу лучшей из всех. Люблю в ней каждое слово, каждую реплику, каждую запятую».

Язык пьесы «Вишневый сад» анализируется в связи с изучением образов действующих лиц. Речевые характеристики убедительно раскрывают типические черты персонажей, реплики и ремарки углубляют их психологический облик. Язык пьесы свидетельствует и о необыкновенном богатстве русского языка, и о замечательном мастерстве Чехова.

Вишневый сад — это своего рода символ жизни старого дворянства. Созданный крепостными, чьи скорбные тени чудятся Пете Трофимову, он когда-то давал плоды, а теперь — в запустении и не сегодня-завтра упадет под топором капиталиста Лопахина. Вишневый сад, как символ, связан в пьесе с его владелицей Любовью Андреевной Раневской.

У этой женщины, неглупой и доброй от природы, но воспитанной в богатом поместье, главенствуют характерные барские черты: полная непригодность к труду, неумение обходиться без чужой помощи, беспечность и непрактичность, расточительность и безволие, равнодушие к людям и эгоизм, прикрываемый внешней добротой. Раневская — натура эмоциональная, но ее чувства поверхностны и неустойчивы; она легко переходит от слез к смеху и наоборот.

Язык Раневской эмоционален и одновременно слащав до приторности. Возмущенная возвращением домой, в обстановку далекого детства и юности, она выражает свои переживания прерывистой, восторженной речью. «Детская!.. Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькая. (Плачет.) И теперь я как маленькая...». К дочери она обращается со словами: «Ненаглядная дитюся моя!» Такой же восторженный характер носит и обращение Раневской к цветущему саду: «О, мое детство, чистота моя! В этой детской я спала, глядела

отсюда на сад, счастье просыпалось вместе со мною каждое утро, и тогда он был точно таким, ничто не изменилось. (*Смеется от радости.*) Весь, весь белый! О, сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы, опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя... Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!»

Эмоциональность Раневской выражается в обилии незаконченных или назывных восклицательных предложений, разделенных паузами, в эпитетах и метафорах: *темная, ненастная* осень, *холодная* зима, «опять ты молод, полон счастья». Выразительность эпитетов и метафор усиливается в ее речи контрастными сопоставлениями, которыми выражаются противоположные переживания: когда-то «счастье просыпалось вместе со мною каждое утро», а теперь не «снять с груди и с плеч моих тяжелый камень...» Речь Раневской делает лиричной и то, что о саде она говорит как о чем-то одухотворенном, как о существе, которое переживает человеческие чувства: «...опять ты молод, полон счастья». Но характерными для Чехова тонкими штрихами в обращении к дочери («дитюся моя!»), которую Раневская беззаботно покидает на много лет, в сентиментальных излияниях перед шкафом («Шкапик мой родной...») раскрываются поверхностность и фальшь ее восторженности и эмоциональности.

В характеристике Раневской как комедийного персонажа чрезвычайно важную роль играет разоблачающий чеховский прием резкого снижения стиля: «Видит бог, — говорит Раневская, — я люблю родину, люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала. (*Сквозь слезы.*) Однако же, надо пить кофе». Не менее показателен в этом отношении и ее разговор с Петей Трофимовым в третьем действии, где она взволнованно говорит о своем тяжелом душевном состоянии и о судьбе Ани, а заканчивает репликой: «И надо же что-нибудь с бородой сделать, чтобы она росла как-нибудь... (*Смеется.*)»

В речи Раневской отражена ее барская избалованность, ее безволие. Любовь Андреевна понимает, что она разорена. «Бедная моя Варя из экономии кормит всех молочным супом, на кухне старикам дают один горох, а я трачу как-то бессмысленно... (*Уронила кошелек, рассыпала золотые.*) Ну, посыпались...»; «Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая», — вспоминает Раневская. Барское высокомерие звучит в ее ответе Лопахину: «Дачи и дачники — это так пошло, простите». Категоричность ответа, короткое извинение в конце отражают ее непрактичность и в то же время ее уверенность в своем дворянском превосходстве над бывшим «мужиком» Лопахиным.

Раневская умнее своего брата. Ей ясна нелепость его поведения. «Зачем так много пить, Леня? Зачем так много есть? Зачем так много говорить? Сегодня в ресторане ты говорил опять много и все некстати. О семидесятих годах, о декадентах. И кому? Половым говорить о декадентах!» Здесь ее речь отличается сжатостью и категоричностью, характерной для языка самого Чехова. С той же резкостью и прямотой говорит она Лопахину: «Вам не пьесы смотреть, а смотреть бы почаще на самих себя. Как вы все серо живете, как много говорите ненужного». Но эти реплики и разговоры «о гордом человеке», поскольку они звучат в устах Раневской, воспринимаются зрителем и читателем не как оценка жизни и человека, а как выражение безнадежности.

Раневская сознает пустоту и бесперспективность своей жизни, но она не в состоянии ничего изменить. Она решила порвать с бесцельным человеком, но под влиянием его писем и телеграмм возвращается в Париж. Свое добровольное унижение Любовь Андреевна, как это часто делают безвольные люди, пытается прикрыть трагической словесной мишурой: «Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу». Когда Петя Трофимов говорит ей

правду о ней самой, она обрушивается на него: «Вам двадцать шесть лет или двадцать семь, а вы все еще гимназист второго класса!.. вы просто чистюлька, смешной чудака, урод... вы недотепа». В первом случае это игра в «трагическое», «красивые» слова, а во втором — простая раздражительность безвольного человека.

Сентиментальные фразы, выражающие чувствительность Раневской, сочетаются с репликами, раскрывающими ее равнодушие к людям. Она бурно выражает радость по поводу возвращения домой. И ласкательные существительные *шкапик*, *столик*, и эпитет *родной*, и прерывистые восклицания, сопровождаемые поцелуями, — все как будто свидетельствует о любви и нежности к дому, где протекли детство и юность. Но в то же время на слова Гаева: «А без тебя тут няня умерла», — следует короткий, безразличный ответ: «Да, царство небесное. Мне писали». Равнодушие Раневской подчеркивается и авторской ремаркой: «(Садится и пьет кофе.)»

Сопоставление поведения Раневской убеждает нас в том, что следует говорить не столько о ее человечности, сколько о ее сентиментальности, о том, что под ее трогательными фразами кроется равнодушие к родине, к людям. Это впечатление Чехов усиливает в последнем действии: Любовь Андреевна, взяв последние деньги, бросает семнадцатилетнюю дочь и уезжает в Париж. Она не находит нужным проститься с Фирсом, который отдал ей и ее семье всю свою жизнь; она даже не знает, что его забыли в старом, заколачиваемом доме.

Показав, что поверхностная, наигранная сентиментально-трагическая фразеология Раневской соответствует ее пустоте и никчемности, несмотря на некоторый драматизм жизненных обстоятельств, Чехов создал комедийный образ, глубоко отражающий как экономический, так и моральный упадок дворянства.

* *
*

Еще более обнаженной и разоблачающей является речевая характеристика Леонида Андреевича Гаева. Она оттеняет черты его барства и либерального фразерства (учащимся предварительно надо объяснить слова *фразер*, *шаблон*, *банальность*, и т. п.). Высокомерие дворянина подчеркивается восклицанием «Кого?» Оно звучит в ответ и на безобидные слова презираемого им плебея Лопухина: «Да, время идет», и на фразу лакея Яши: «А вы, Леонид Андреевич, все такой же, как были». Так же пренебрежительно звучат и слова, обращенные к Яше: «Отойди, любезный, от тебя курицей пахнет», «От кого это селедкой пахнет?» Барская спесь Гаева нашла свое прямое выражение в его реплике «хам» по адресу Лопухина. В целях снижения образа Гаева Чехов вкладывает в его уста распространенные в то время среди помещиков самодовольные фразы: «Недаром меня мужик любит», «Мужика надо знать!»

О пустоте и легкомыслии Гаева свидетельствуют термины биллиардной игры, которыми он уснащает свою речь, независимо от ее смысла. Гаев, осуждающий свою сестру за брак с человеком недворянского происхождения, проявляющий дворянскую спесь, в то же время склонен к либеральному фразерству. Некоторые его реплики и монологи напоминают фразеологию либеральных газет и банкетных речей. Особенно характерна в этом отношении речь перед шкафом: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости; твой молчаливый призыв к плодотворной работе не ослабевал в течение ста лет, поддерживая (сквозь слезы) в поколениях нашего рода бодрость, веру в лучшее будущее и воспитывая в нас идеалы добра и общественного самосознания».

Этим монологом Чехов метко подчеркивает фразерство либеральни-

чающего барина. О чеховском мастерстве дает представление и сопоставление реплик Гаева: с одной стороны, «идеалы добра и общественного самосознания», с другой — снисходительная фраза, обращенная к восьмидесятилетнему слуге: «Ты уходи, Фирс. Я уж, так и быть, сам разденусь». Резкое несоответствие высокопарных речей Гаева его паразитической жизни усиливает комедийный характер образа.

* *
*

Речь Ермолая Лопахина, купца и предпринимателя, вышедшего из крестьянской среды, отражает его индивидуальные черты. Ермолай Лопахин — необразованный, но умный и энергичный человек, типичный представитель капиталистического хищничества. В. В. Ермилов пишет: «...Лопахину, человеку большого размаха, одаренному, выбившемуся из мужиков, все-таки нельзя «размахивать»: коротенькое у него будущее, короткая у него линия. Это противоречие между его «размахиванием» и узкой, куцой, ограниченной его ролью в жизни, в истории — главная черта образа. Лопахину, с его страстью к труду, нужно было делать настоящие, большие, прочные дела...»¹.

Характер Лопахина противоречивый, и это находит свое выражение не только в его поведении, но и в языке.

Его речь, речь дельца, немногословна, ясна и логична: «Сейчас уеду, некогда разговаривать... ну, да я в двух-трех словах. Вам уже известно, вишневый сад ваш продается за долги, на 22-е августа назначены торги... Вот мой проект. Прошу внимания! Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода».

Как синтаксис, так и словарный состав этого монолога отличаются точностью и лаконичностью.

Мысль Лопахина поднимается выше узко практических вопросов: «Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: господа, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы, по-настоящему, стать великанами...» В этом случае речь Лопахина, сохраняя свою сжатость, приобретает образный характер. Здесь и эпитеты (*громадные, необъятные, глубочайшие*), здесь и контраст между маленькими, ничтожными людьми и могучей природой, между мечтой о людях-великанах и убогой действительностью буржуазного мира, где даже честность и порядочность — не частое явление.

Но мечту о могучих людях и великих делах подавляет открытая жажда обогащения, самодовольное торжество победителя на арене наживы. В этом отношении интересен стиль рассказа Лопахина о торгах: «Дериганов сверх долга сразу на давал тридцать. Вижу, дело такое, я схватился с ним, на давал сорок. Он сорок пять. Я пятьдесят пять. Он, значит, по пяти подбавляет, я по десяти... Ну, кончилось. Сверх долга я на давал девяносто, осталось за мной. Вишне-вый сад теперь мой! Мой!.. Эй, музыканты, играйте, я желаю вас слушать! Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду, как упадут на землю деревья!»

Далее Лопахин произносит не менее характерную фразу: «За все могу заплатить!» И лексика, и синтаксис, и фразеология — все рече-

¹ В. В. Ермилов, А. П. Чехов. Драматургия Чехова, «Советский писатель», М., 1951, стр. 467—469.

вые средства создают яркое представление об азарте хищника-капиталиста.

Большой социальной выразительностью отличаются такие обороты речи Лопехина, обычные для малообразованного купца, как «Надо себя помнить» (Дуныше), «До свидания», «Как вы обо мне понимаете?», «Всякому безобразию есть свое приличие!», «Циркуляция дела не в этом», «Охмелия» и т. п.

Стремление Лопехина спасти для Раневской вишневый сад, его длительное пребывание в чуждой для него атмосфере праздности объясняются затаенным чувством к Любви Андреевне. В его душе сохранился образ Раневской, молоденькой девушки, пожалевшей его, пятнадцатилетнего крестьянского подростка, избитого пьяным отцом.

Репликам Лопехина, обращенным к Любви Андреевне, присущи богатые лирические интонации: «Хотелось бы только, чтобы вы мне верили попрежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде... Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл все и люблю вас, как родную... больше, чем родную».

Присущее Лопехину чувство красоты также отражено в его речи: «...когда мой мак цвел, что это была за картина!»

Речь Лопехина свидетельствует о его одаренности, о богатстве его внутреннего мира, которое не укладывается в узкий круг интересов буржуа.

* *

*

Значительные возможности для наблюдений над языком самого автора пьесы дает речевая характеристика представителя разночинной интеллигенции — Пети Трофимова. Трофимов — сын аптекаря, студент, живущий на свои трудовые деньги. Он задуман Чеховым как образ революционера, но сам автор считал образ Трофимова не вполне доработанным в художественном отношении. В письме к О. Л. Книппер Чехов объяснял это условиями цензуры. Благодаря некоторой противоречивости Трофимова, черты его выступают в пьесе недостаточно рельефно.

Относясь глубоко отрицательно к дворянству и буржуазии как общественным классам, Трофимов в то же время связан дружескими отношениями с Раневской, с Лопехиным. Однако, живя среди праздных людей, он не перестает трудиться: им сделан перевод, и на полученные за эту работу деньги Трофимов будет жить в дальнейшем.

В своих монологах Трофимов выражает мысли Чехова лаконичным, ясным, категорическим, иногда гневным языком: «Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать». Как и Чехов, Петя Трофимов верит в светлое будущее своей родины и всего человечества, призывает «помогать всеми силами тем, кто ищет истину».

Герой пьесы, как и ее автор, разоблачает праздность, некультурность, лицемерие современной ему интеллигенции. Считая бесполезным обсуждать серьезные вопросы с Гаевым, Раневской, Лопехиным, Трофимов говорит: «Лучше помолчим!»

Скорбь и гнев, вызываемые страданиями народа, глубокая вера в его светлое будущее делают речь Пети Трофимова образной и лиричной: «Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест. (Пауза.) Подумайте, Аня: ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владевшие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола, не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голосов... Владеть живыми душами — ведь это переродило всех Вас, живших раньше и теперь живущих, так что Ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живете в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше передней... Мы отстали, по крайней мере, лет на двести,

у нас нет еще ровно ничего, нет определенного отношения к прошлому, мы только философствуем, жалуемся на тоску, или пьем водку. Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом. Поймите это, Аня.

В противоположность Раневской, которая говорит о «гордом человеке» и одновременно просит у Лопахина денег, Петя Трофимов принципиален, горд и последователен, и это также отражается в его речи: «Дай мне хоть двести тысяч, не возьму. Я свободный человек. И все, что так высоко и дорого цените вы все... не имеет надо мной ни малейшей власти, вот как пух, который носится в воздухе. Я могу обходиться без вас, я могу проходить мимо вас, я силен и горд».

Здесь характерно не только содержание, но и форма. Краткие, простые предложения, обороты речи («Дай мне хоть двести тысяч, не возьму»), эпитеты (*свободный, силен, горд*), метафора («не имеет надо мной ни малейшей власти») — все это придает реплике Трофимова энергичный и смелый характер.

Язык Ани хотя и не дает такого богатого материала для ее речевой характеристики, как речь Пети, но тем не менее выразительно оттеняет основные черты его облика.

Описывая беспорядочную жизнь матери в Париже, Аня не высказывает прямого осуждения, но в ее словах («какие-то французы, дамы, старый патер с книжкой, и накурено, неудобно») чувствуется отвращение и грусть. От печали, навеянной разговором о безотрадной жизни близкого человека, Аня с детской непосредственностью переходит к другим впечатлениям: «А в Париже я на воздушном шаре летала!»

На поэтические, но не вполне ясные ей слова Пети: «Будьте свободны, как ветер», — она отвечает восторженным восклицанием, свойственным юности: «Как хорошо вы сказали!»

Но наряду с детской восторженностью Аня под влиянием Трофимова высказывает продуманные и прочувствованные мысли. Лирическая, задушевная манера их выражения — это речевая манера самого автора: «Вишневый сад продан, его уже нет, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа... Пойдем со мной, пойдем, милая, отсюда, пойдем!.. Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама! Пойдем, милая! Пойдем!..»

* *
*

Развращенность, низменное себялюбие и как следствие этого крайняя моральная тупость и самодовольство показаны Чеховым в образе лакея Яши. Эти черты Яши особенно отчетливо проявляются в его языке. «Огурчик!» — нагло говорит он Дуняше. На ее слова о любви к нему Яша отвечает глупой репликой: «По-моему, так: ежели девушка кого любит, то она, значит, безнравственная».

Особенно груб Яша с восьмидесятисемилетним Фирсом: «Надоел ты, дед. (Зевает.) Хотя бы ты поскорее подох». Он тупо презирает все и всех, начиная с родной матери, к которой не хочет выйти, и кончая родиной, о которой он говорит: «...страна необразованная, народ безнравственный». Это тип законченного пошляка, развращенного близостью к барам. Речь его бедна, груба, опошлена вульгаризмами и неуместным употреблением ряда слов литературного языка (*безнравственный, невежество*).

В облике и в языке Яши отражены не только его собственные черты. Яша — кривое зеркало барства, и это особенно подчеркивает обличительный, комедийный характер отрицательных персонажей пьесы.

Епиходов — комический персонаж. Характерной особенностью его речевой характеристики является прием гротеска: «Не могу одобрить нашего климата. Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз». О гитаре: «Для безумца, который влюблен, это мандолина...». «За границей все давно уж в полной комплекции», «Но, конечно, если взглянуть с точки зрения, то вы, позволяю себе так выразиться, извините за откровенность, совершенно привели меня в состояние духа» и т. д.

Стремление казаться выше своего уровня, производить впечатление человека необыкновенного — вот основа его уродливо-комической речи.

* *
*

Анализируя «Вишневый сад», мы отмечаем также общие характерные особенности языка, обусловленные композицией пьесы.

«Вишневый сад» — комедия, по-чеховски своеобразная и глубокая. На первом плане здесь представители вымирающего дворянства, показанные в окружении духовно изуродованных ими людей (Фирса, Яши, Дуняши, Вари и др.). Раскрывая их внутренне бедную жизнь, автор строит несложный сюжет пьесы. Наряду с постоянными обитателями барской усадьбы показаны и люди из другого мира. Устами некоторых из них Чехов выражает свои мысли.

В сюжете, в системе образов, в речах действующих лиц раскрывается широкая социальная тема смены общественных формаций. Феодализм рушится под натиском капитализма (Ермолай Лопухин «хватит» топором по вишневому саду). Но короткое время буржуазного господства: где-то впереди уже обозначаются, пусть пока еще неясно, контуры нового общественного строя: будет насажен «новый сад».

Характерной стилистической особенностью пьесы является параллелизм реплик, не связанных между собой по смыслу (каждый говорит и думает о своем). Таков, например, диалог Вари и Ани:

«В а р я. Выдать бы тебя за богатого человека, и я бы тогда была покойней, пошла бы себе в пустынь, потом в Москву, и так бы все ходила по святым местам... Ходила бы и ходила. Благолепие!..

А н я. Птицы поют в саду. Какой теперь час?»

Другой пример:

«Л ю б о в ь А н д р е е в н а. Это из Парижа. (*Рвет телеграммы, не прочитав.*) С Парижем конечно...

Г а е в. А ты знаешь, Люба, сколько этому шкапу лет?»

Чисто внешняя связь, обусловленная пребыванием в усадьбе, не создает настоящей близости между ее обитателями. Каждый из них знает внутреннюю пустоту своего собеседника (Аня — Вари, Раневская и Гаев — друг друга) и не питает к нему интереса.

Большую роль в композиции «Вишневого сада» играют паузы, которые усиливают значение сказанного или придают ему особый оттенок. Так, например, после речи Гаева перед шкафом следует пауза, а затем неопределенное «Да...» Лопухина. Эта пауза подчеркивает нелепость монолога об общественных заслугах книжного шкафа. Гаев говорит о порочности Раневской, не видя Ани, которая стоит в дверях и слушает. Варя шопотом предупреждает его. «Г а е в: Кого? (*Пауза.*) Удивительно, мне что-то в правый глаз попало...» Эта пауза оттеняет чувство неловкости, испытываемое Гаевым. Паузы в разговоре Епиходова, Яши и Дуняши у старой часовни указывают на его бессодержательность, на отсутствие у собеседников интереса друг к другу.

Особенно выразительны паузы в диалоге между Лопухиным и Варей в четвертом действии, когда каждый из них говорит одно, а думает другое.

Экономия речевых средств в сочетании с их максимальной вырази-

тельностью — основная особенность языка Чехова — достигается и ремарками, имеющими в «Вишневом саде» большое композиционное значение. Одни ремарки дополняют характеристику персонажа: ключи у хозяйственной Вари, часы у занятого Лопухина, сигара у Яши, пудра у Дуняши и т. д. Другие ремарки подчеркивают основную черту действующего лица. Гаев после продажи родового имения плачет: «Столько я выстрадал!» Далее следует ремарка (*Дверь в бильярдную открыта; слышен стук шаров и голос Яши: «Семь и восемнадцать!» У Гаева меняется выражение, он уже не плачет.*)

Тонкий лиризм пьесы оттеняется и ремарками, подчеркивающими запустение барского имения, отмирание старой жизни: «Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, повидимому, могильными плитами, и старая скамья... В стороне, возвышаясь, темнеют тополи: там начинается вишневый сад. Вдали ряд телеграфных столбов и далеко-далеко на горизонте неясно обозначается большой город, который бывает виден только в очень хорошую, ясную погоду. Скоро сядет солнце».

Лиризм описаний усиливается ремарками, передающими те или иные звуки: «Вдруг раздается отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный», «Слышно, как Епиходов играет на гитаре все ту же грустную песню. Восходит луна. Где-то около топей Варя ищет Аню и зовет: «Аня! Где ты?», «Играет музыка. Любовь Андреевна опустилась на стул и горько плачет», «Слышно, как вдали стучат топором по дереву».

Последняя ремарка с большой художественной силой говорит о том, что жизнь уходит, о запустении барского дома, еще недавно полного движения: «Сцена пуста. Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. Становится тихо. Среди тишины раздается глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно». Простота и лиризм, сообщаящие этому небольшому описанию огромную впечатляющую силу, достигаются краткостью предложений, подбором слов, последовательно рисующих замирание жизни.

* *

*

В процессе работы над языком пьесы «Вишневый сад» я давала учащимся задания подготовить дома устные характеристики действующих лиц, с обязательным цитированием типичных образцов.

К заключительному по пьесе уроку учащиеся готовили дома устные сообщения по плану, данному учителем. Привожу примерный план.

Язык пьесы «Вишневый сад»

1. Тонкое мастерство речевых характеристик. (В качестве примера дать характеристику одного из главных действующих лиц по собственному выбору.)
2. Композиционные приемы усиления выразительности языка:
 - а) параллелизм не согласованных по смыслу реплик,
 - б) паузы,
 - в) авторские ремарки.
3. Проявление в языке некоторых персонажей пьесы и в ремарках речевой манеры Чехова:
 - а) экономности,
 - б) простоты,
 - в) образности,
 - г) лиризма.

Несколько школьников сделали устные сообщения по вопросам плана. Другие дополняли. Учитель подвел итоги и коротко охарактеризовал важнейшие особенности языка пьесы «Вишневый сад».